

ИСТОРИК, СОЦИОЛОГ, ФИЛОСОФ И СЕКСОЛОГ

«До поры до времени мой интерес к молодежной тематике оставался платоническим, но в 1964 г. меня уговорили выступить на большой конференции в Ленинграде с докладом «Юность как социальная проблема» (название я предложил сам). Поскольку я собирался говорить о проблеме отцов и детей, наличие которой в СССР в то время все дружно и яростно отрицали, это могло кончиться большим скандалом»¹. Так Игорь Кон написал в своих воспоминаниях.

В тот день скандала не произошло, но потом на другой большой конференции он все-таки случился.

И так бывало в жизни И.С. Кона не только в связи с этой темой. Он не раз и не два выступал зачинателем изучения тем, еще непривычных. Таких тем, которые у многих вызывали протест: действительно ли они заслуживают внимания? А может быть, просто для нас противопоказаны?

И зачинателем Игорь был не в какой-то одной сфере науки, а в нескольких. Он был и историком, и социологом, и философом, и этнологом. И даже сексологом.

Можно ли понять творчество человека, если совсем не знать его судьбу?

Поэтому — хоть чуть-чуть о его жизни. Ее-то я знаю. Мы были друзьями с первого же послевоенного года, с 1946-го. И каждый поворот его судьбы я переживал вместе с ним. А жизнь его была поразительно необычна. Уже его кандидатские диссертации о многом говорят: в 22 года он защитил две диссертации — по истории («Общественно-политические взгляды Джона Мильтона»)

¹ Кон И.С. 80 лет одиночества. М., 2008. С. 263.

и по философии («Этнические взгляды Н.Г. Чернышевского»). И работал над третьей — юридической (о правосознании). В 31 год он защитил докторскую («Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли»), тематически никак не перекликавшуюся с его кандидатскими. Благодаря этой его диссертации (она опубликована в 1959 г.) читатель смог впервые так подробно познакомиться со многими историками Запада. А слова «кризис буржуазной исторической мысли» в названии — обязательное условие для издания книг о западной науке в СССР в 1950-х годах.

Он был тесно связан с зарождением отечественной социологии. А в отечественной сексологии вообще был первым, зачинателем.

Но как бы ни был широк и разнообразен круг интересов И.С. Кона, все-таки прежде всего он был историком. К каким бы проблемам он ни обращался, подход у него всегда был историческим.

Его книги и статьи переведены на множество языков — в странах Европы, в Соединенных Штатах, в Китае. У многих ли отечественных ученых столько трудов переводилось на другие языки?

Для Игоря жизнь — это была работа. У него никогда не было семьи — ни жены, ни детей. Работа, работа, работа. И если его спрашивали, как он себя чувствует, он говорил о своей работе: хорошо она сегодня идет или не очень.

Жизнь-то у него была нелегкая. У отца — своя семья. Мама у Игоря — медсестра. Ее заработок, сами понимаете, был невелик. Жили они в Ленинграде. В начале блокады эвакуировались в Чувашию. Там Игорь закончил школу.

Осенью 1944-го вернулись в Ленинград, но жить было негде: их комнату у них незаконно отобрали. 16-летний Игорь писал письма Жданову с просьбой о жилье. Одно из них — в стихах. Вот отрывки из него:

Без прописки и без хлеба
И без всякого жилья,
Под открытым сводом неба
Проживаю нынче я.

...

От милиции скрываюсь,
Перед дворником дрожу,
Я по лестницам скитаюсь,
В разных садиках сижу.

...

Всей душой хочу учиться,
А учиться не дают.
Где, к кому мне обратиться,
Как найти себе приют?

Очевидно, на кого-то в команде Жданова это произвело впечатление. Комнатку дали. Девятиметровой.

В аспирантские годы он проходил практику в ленинградской женской школе № 216, проводил там дискуссии с обсуждением проблем истории. А в соседней, моей школе № 206, выступил с докладом о проблемах советской молодежи. Говорил хорошо. Правда у нас, старшеклассников, помню, вызвал и протест: что это он, почти наш ровесник, чему-то нас учит.

Эти встречи и стали первыми шагами к моей с ним дружбе.

* * *

Круг научной деятельности Игоря так широк, что хоть как-то осветить все ее аспекты невозможно — тем более в такой небольшой статье, как эта. Его никогда не переставали интересоваться проблемы исторической науки, ее методологии и философии истории. В 1969 г. он выпустил сборник переводов зарубежных статей «Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории».

Стал все больше заниматься и другими сферами науки: социальная психология, теория личности, этика, антропология и социология детства и юности, социология молодежи, сексология, гендерные исследования. Все это — в историческом развитии. Под его редакцией выходил даже «Словарь по этике» — издавался в 1970, 1975, 1981, 1989 гг. Переведен и издан в Кельне, Будапеште, Риге.

Он написал и издал монографию «Позитивизм в социологии» (Л., 1964). В дальнейшем под его редакцией вышел коллективный труд «История буржуазной социологии XIX — начала XX века» (М., 1979). Больше всего его интересовала теория личности. Его книга «Социология личности» (М., 1967) положила начало этой теме в отечественной науке. Ее сразу перевели на шесть языков. А затем написал много статей и книги «Открытие «Я»» (М., 1978) и «В поисках себя. Личность и ее самосознание» (М., 1984).

Вел исследования социального облика человеческих возрастов. Начал с молодежи, со статьи «Юность как социальная проблема» (1965). Писал о молодости, о ее психологии, ее социализации. Его «Психология юношеского возраста» выходила в 1979—1989 гг. четыре раза общим тиражом 1,5 млн экземпляров.

Его статьи и книги о культуре и социологии детей вызвали не меньший, если не больший интерес. Особенно его книга «Ребенок и общество» (выходила дважды — в 1988 и в 2003 гг.).

Среди последних работ Игоря: книги «Мужчина в меняющемся мире» (М., 2009) и «Мальчик — отец мужчины» (М., 2009) — о том, как мальчик взрослеет, превращается в мужчину. И какие сложности на этом пути преодолевает.

Одну из своих статей Игорь озаглавил: «Легко ли быть мужчиной». В ней дан такой образ мужчины: «Если он ориентируется на то, что он всюду главный... то ничего, кроме неприятностей, ему и его близким не светит...

Сегодняшняя модель мужчин стала принципиально другой...

Это мучительно для мужчины, потому что он привык быть гегемоном».

* * *

Как он стал и сексологом? Мне он рассказывал так. Как-то он читал лекцию психологам. И они ему пожаловались: вот у человека внешние признаки пола одни, а внутренне он (или она) видит себя иначе. Что ж, надо делать операцию. Но хирурги говорят: «Зачем? У него же (или у нее) все в порядке».

Вот так психологи и привлекли Игоря к этой проблеме, чрезвычайно важной.

Но в СССР этой темой не принято было заниматься. Она была как бы запретной. Поэтому книгу «Введение в сексологию» Игорь издавал в Венгрии (1981 г.) и Германии (1983 г.), а в СССР ее можно было читать только в самиздате. Вышла в нашей стране только в 1989 г., и хотя в издательстве «Медицина», речь в ней шла отнюдь не только о медицинской стороне проблемы, но и о том, что она должна рассматриваться гуманитарными науками: социальные проблемы, связанные с сексуальным поведением.

В 1997 г. Игорь издал книгу «Сексуальная культура России». Эту тему у нас тщательно избегали. Игорь открыл ее для нас. Книга пользовалась таким успехом, что в 2005 г. вышло второе издание. Ее перевели и издали в США. Им были опубликованы «Введение в сексологию. Курс лекций. Учебное пособие для вузов» (М., 1999) и «Сексология» (М., 2004).

И в книгах, и в устных выступлениях Игорь говорил о тех вопросах, которые были острыми в нашей стране — да вероятно, остры и сейчас. Он настаивал, что нельзя преследовать геев и лесбиянок — они не извращенцы, такими они родились, и число их велико.

Он считал, что у нас, как и в ряде других стран, надо для старшеклассников ввести лекции о половой жизни. Это очень важно

потому, что половые связи теперь начинаются раньше, чем это было прежде.

Считал, что у нас мало внимания уделяется ВИЧ-инфицированным — а численность их быстро растёт.

Протест Игоря против гомофобии, преследования гомосексуалистов, и его идея о необходимости включить в школьные программы старшеклассников ознакомление с сексуальными проблемами вызвали возмущение у тех, кому это очень не нравилось. В начале 2001 г. во время публичной лекции Игоря в МГУ в него бросили тортом. Под дверь его квартиры подложили муляж взрывного устройства. Неоднократно угрожали убийством.

Игорь реагировал на это спокойно, мужественно. Развивая свои идеи, он издал книгу «Лики и маски однополой любви» о гомосексуальности, а в статье «Секс и меньшинства. Как гомофобия становится ксенофобией» написал, что гомофобия связана с другими проявлениями ксенофобии.

Всемирная сексологическая ассоциация наградила его Золотой медалью за выдающийся вклад в сексологию и сексуальное здоровье. Эта ассоциация избрала его своим вице-президентом.

* * *

Многим, в том числе и мне, особенно близка книга «Дружба» — не только своей научностью, но и душевностью. Не случайно она выходила в нашей стране четыре раза и переведена на много языков.

Игоря интересовала тема дружбы — сперва в личном, а позднее и в научном плане. Как менялись представления о ней в истории и в наше время. Психология дружбы, детская и юношеская дружба, дружба взрослых, мужская и женская дружба. И он познакомился с огромной литературой, на нескольких языках. Работал много лет. Изучал и психологические проблемы, такие как связь представлений о дружбе с развитием самосознания и образа «Я» — в разных исторических условиях.

Статьи о проблемах дружбы Игорь начал публиковать в 1970-х и на их основе издал книгу «Дружба» сперва в Венгрии в 1977-м, а в 1979-м — в Германии. Издавать ее в СССР не спешил. «Разговор о личных ценностях плохо вписывался в тогдашнюю официальную идеологию. К тому же многие люди не верили, что дружба может быть не только темой назидательных бесед для подростков, слобренных хрестоматийными историческими примерами, но и предметом серьезного научного исследования»¹.

¹ Кон И.С. Дружба, 4-е изд., доп. СПб., 2005, С. 7.

В 1980-м он издал эту книгу в Советском Союзе. Она сразу же стала бестселлером. Издана тиражом 100 тыс. экземпляров. В 1987-м — второе издание, тираж фантастический — 200 тыс.! Третье издание в 1989-м — тоже 200 тыс. Книга вошла в списки рекомендованной литературы для студентов по курсу социальной психологии и некоторым историческим дисциплинам. Она переведена на китайский, итальянский, испанский, болгарский, молдавский, словацкий, латышский и еще несколько языков. В 2005 г. вышло четвертое издание. Книга в значительной степени написана заново — учтены новые явления и в общественной жизни и в их научном осмыслении. В разделе «Русская дружба» сказано, как все это проявилось в нашей стране... Может быть, кто-нибудь из читателей сочтет, что я так много пишу об этой книге потому, что ее последнее издание Игорь посвятил мне, его ближайшему другу. Начал ее словами «Посвящается Аполлону Борисовичу Давидсону».

Но дело в том, что все, связанное с понятием «дружба», должно быть близко каждому из нас.

* * *

Я привел лишь несколько названий книг Игоря. У него вышло их столько, в стольких коллективных трудах он был ведущим автором — не может быть и речи о том, чтобы упомянуть хотя бы все важнейшие из них. Сами названия книг говорят о проблемах, которыми он занимался. В изучении многих он был первооткрывателем. Или привлекал внимание к тем сторонам этих проблем, коим в отечественной науке как-то не уделяли должного внимания.

Он писал о таких важных общечеловеческих проблемах, умел так ясно формулировать свои мысли и наблюдения, что это привлекало внимание отнюдь не только профессионалов, а и очень широкого круга читателей.

Все это относится не только к его книгам, а и ко многим статьям. Яркий пример — статья о корнях этнических предрассудков¹. В ней рассмотрена проблема, которая волнует в нашей стране, да и не только в нашей, очень многих. Но в отечественной литературе информации об этом было мало. Статья получила огромный резонанс. Ее обсуждали, несколько раз перепечатавали.

¹ Кон И.С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков. — Новый мир, 1966, № 9.

За три года до ухода из жизни Игорь издал книгу «80 лет одиночества». В ней подвел итог своей деятельности.

«Я хочу через свой жизненный опыт, средоточием коего была моя научная работа, поведать о прошедшем и давно прошедшем времени, почему я заинтересовался той или иной проблемой и что из этого получилось.

Еще недавно казалось, что советские условия безвозвратно ушли в прошлое и мало кому интересны. Но сейчас наше общество все больше напоминает мне ту страну, в которой я прожил первые шестьдесят лет своей жизни... А коль скоро это так, прошлый опыт важен не только будущим историкам, о нем полезно знать и современным молодым людям, даже если они сами этого пока не осознают»¹.

Я ни в чем не хочу спорить с этой книгой моего друга. Но вот ее название «80 лет одиночества» — как отнестись к нему?

На прощание с Игорем в 2011 г. в московскую больницу № 64 пришло около 200 человек. А ведь это было 1 мая, когда они могли провести время по-другому. Сколько же было тех, кто любил Игоря, если взглянуть на него в последний раз было для многих так печально...

И когда даже после его кончины кто-то возобновил нападки на него, сразу появилось письмо большой группы ученых и журналистов «В защиту памяти Игоря Семеновича Кона».

Его книги продолжают издаваться. Вскоре после кончины вышла его последняя книга «Бить или не бить» (М., 2011) об истории телесных наказаний. Летом 2017 г. в Москве вышло новое издание книги «Мальчик — отец мужчины». Намечается издание и других.

Не буду перечислять наград и почетных степеней, которые получил Игорь и в нашей стране, и за рубежом. Не привожу восхищенных отзывов о его деятельности, которые давались в печати.

Его вклад в науку, культуру и в такое важное для всех нас подлинное понимание становления личности человека — огромен. Уверен, что всему этому предстоит еще быть по-настоящему оценено.

И сейчас, хотя его нет с нами, его книги переиздаются.

А.Б. Давидсон

¹ Кон И.С. 80 лет одиночества, С. 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Давно пора, ядрена мать,
Умом Россию понимать.*

Игорь Губерман

Предлагаемая вниманию читателя книга — мой четвертый (и последний) подход к истории русской сексуальной культуры.

Первый подход, осуществленный во время моего пребывания в Русском центре Гарвардского университета, — книга «Сексуальная революция в России» (Коп, 1995), которой предшествовал ряд статей и сборник «Секс и русское общество» (Sex and Russian Society, 1993), — был сфокусирован на том, как советская власть пыталась запретить сексуальность и чем эта попытка закончилась. Кроме того, мне хотелось развеять созданный некоторыми российскими и западными публикациями миф, изображающий Советский Союз и постсоветскую Россию таким зверинцем, населенным странными экзотическими животными, которые нигде в мире больше не встречаются. В действительности большая часть наших проблем, включая и сексуальные, — лишь гротескное отражение того, что совсем еще недавно было (а кое-где и остается) нормой для многих культур и обществ.

Как пишет проницательная Ольга Балла, «экзотизация» советского — на самом деле, тоже еще взгляд изнутри того опыта, от которого предлагается освободиться. Она — желание убедить себя, что освобождение уже произошло. Но нарочитость этой экзотизации упорно наводит на мысль, что не так все просто. Хотя бы уже потому, что в этой позиции очень недостает спокойствия. Того самого, которое — условие всякой объективности» (Балла, 2009).

Западному читателю эта книга была интересна прежде всего как сводка фактов о малоизвестной стороне советско-российской

жизни. «Кон написал очень увлекательную книгу об ужасающем предмете» (Некма, 1999). Наиболее вдумчивые рецензенты увидели в книге и предостережение: «Кон убеждает нас, что подавление сексуальности возможно, и показывает, как и почему... «Сексуальная революция в России» Кона звучит как предостережение об опасности подчинения секса авторитарному контролю и раскультированию» (Fowlkes, 1996).

Однако моя «историческая прелюдия», посвященная дореволюционной России, была весьма поверхностной. В следующей книге «Сексуальная культура в России. Клубничка на березке» (Кон, 1997), написанной по гранту Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95-06-17325) и прекрасно изданной издательством О. Г. И., я пытался рассмотреть уже не только постсоветскую сексуальную революцию, но историю русской сексуальной культуры в целом, причем меня интересовали не столько отдельные красочные детали, сколько общая логика исторического развития, ключ к которой я нашел в трудах В.О. Ключевского.

Но историку нужны факты, а их в то время было явно недостаточно. В XIX в. из-за цензурных запретов русские эротические материалы публиковались преимущественно в Западной Европе. Составленный Владимиром Далем сборник «Русские заветные пословицы и поговорки» был впервые опубликован в 1972 г. в Гааге. Знаменитый сборник эротических сказок «Русские заветные сказки» Александра Афанасьева составитель сам переправил в Женеву, с тех пор он регулярно переиздавался на Западе, но это только малая часть афанасьевской коллекции. Большая рукопись Афанасьева «Народные русские сказки. Не для печати. Из собрания А.Н. Афанасьева. 1857–1862», хранящаяся в рукописном отделе Пушкинского дома, впервые была опубликована полностью в 1997 г.

В советское время цензура отличалась еще большей жесткостью. Хотя изучение русской, да и мировой, сексуальной культуры невозможно представить себе без таких имен, как В.Я. Пропп, М.М. Бахтин, О.М. Фрейденберг, Д.К. Зеленин, очень многие темы оставались наглухо закрытыми. И дело было не только в цензуре, но и в практическом отсутствии социальной истории и истории повседневности. Даже написанные в России труды, относящиеся к русскому сексу, нередко приходили к нам с Запада. Например, исследование русского мата выдающегося московского лингвиста Б.А. Успенского было напечатано в 1983–1987 гг.

в венгерском журнале *Studia Slavica Hungarica*, широкому отечественному читателю оно стало доступно лишь много позже.

Некоторые темы вообще могли изучать только западные слаviste или эмигранты. Первая в мире монография-альбом по истории русского эротического искусства Алекса Флегона «Эротизм в русском искусстве» вышла в Лондоне (Flegon, 1976). Первая монография о сексуальной жизни православных славян, включая Древнюю Русь, американского историка Ив Левин (у нас ее также называют Евой Левиной) опубликована издательством Корнельского университета (Levin, 1989). Там же вышла и монография профессора истории Принстонского университета Лоры Энгельштейн о русской сексуальной культуре конца XIX в. (Engelstein, 1992). Пионером в изучении истории однополый любви и ее отражения в русской художественной литературе стал американский литературовед русского происхождения Семен Карлинский, дело которого продолжили американский же историк, бывший ленинградец, Александр Познанский и английский историк Дан Хили. У западных ученых больше средств и меньше запретных тем.

В 1990-х годах положение стало меняться. Хотя исследования пола и сексуальности остаются в отечественной науке маргинальными и не имеют достаточной моральной и материальной поддержки, они стали возможными. Появление русских переводов некоторых важнейших западных исследований стимулировало развитие теоретической мысли. Появилась и собственная научная литература по истории русской сексуальной культуры.

Прежде всего необходимо назвать многотомную книжную серию «Русская потаенная литература», которую выпускает научно-издательский центр «Ладомир» с 1992 г. «с целью систематической научной публикации материалов, так или иначе связанных с маргинальной русской культурой, публичным и приватным в частной жизни русского человека, от седой древности до наших дней. Поскольку маргинальность обычно прямо связана с табуированностью, преодолением писанных и неписанных запретов, норм и правил поведения, в серии печатаются тексты (как литературного свойства, так и фольклорные), производившие в момент появления, а порой и продолжающие производить эпатазирующее впечатление. Некоторые тома серии «Русская потаенная литература» посвящены темам, о которых «не принято говорить»».

Серьезные работы по разным аспектам сексуальной культуры в контексте истории повседневности и антропологии телесности

регулярно публикует журнал «Новое литературное обозрение». Эту проблематику успешно разрабатывают такие известные фольклористы, этнографы и антропологи, как Т.А. Агапкина, Г.И. Кабакова, А.Г. Козинцев, А.А. Панченко, А.Л. Топорков и др. В сфере социальной истории, особенно истории женщин, следует отметить многочисленные новаторские труды Н.Л. Пушкаревой. Стали обсуждаться историко-философские проблемы любви и сексуальности (Л.В. Жаров, В.П. Шестаков и др.). Интересны и информативны историко-культурологические исследования А.М. Эткинда. Не могу не упомянуть публикаций крупнейшего знатока истории русской эротической культуры Л.В. Бессмертных.

Весомый вклад в изучение современной сексуальной культуры вносят социологи. До конца 1980-х годов ключевой и едва ли не единственной фигурой в проведении сексуальных опросов был С.И. Голод. В 1990-х годах к нему присоединились другие ученые. Несколько репрезентативных национальных опросов провел Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ); с 2004 г. эта команда успешно продолжает свою деятельность как Аналитический центр Юрия Левады. Во второй половине 1990-х в России было проведено несколько крупных профессиональных опросов, посвященных сексуальным ценностям и поведению молодежи и подростков (В.В. Червяков, В.Д. Шапиро и И.С. Кон). В начале 2000-х годов эту работу продолжил В. С. Собкин со своими сотрудниками. В 1996 г. петербургские социологи Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина совместно с финскими коллегами провели репрезентативный сексологический опрос взрослого населения Санкт-Петербурга, причем анкетные данные были дополнены анализом нескольких десятков сексуальных историй жизни. Проблемы сексуальности, с применением биографического метода, дискурсивного анализа и других качественных процедур, широко обсуждаются в гендерных исследованиях и исследованиях молодежных субкультур (Е.Л. Омельченко, Т.Б. Щепанская и др.). Появились работы о сексуальной культуре военнослужащих (Е.А. Кашенко). Частично утратила запретность и стала рассматриваться не только в биомедицинском, но и в социокультурном ключе тема однополрой любви (М.Л. Бутовская, Л.С. Клейн, К.К. Ротиков и др.). По ряду тем, которые раньше казались абсолютно экзотическими, вроде сект хлыстов и скопцов, появились даже взаимоисключающие теории.

Расширение круга источников и увеличение числа исследователей неизбежно влекут за собой уточнение старых и появление